

друзьями оселяється на дереві, і це сприймається як виклик суспільству. Репліка *I'm ashamed to* посилює враження читача від цього діалогу між сестрами.

В даному прикладі ми спостерігаємо, що форма репрезентації іллокутивної сили MAO, у свою чергу, зумовлена особливостями його внутрішньої, логіко-семантичної структури.

Таким чином, у реальних умовах комунікації, MAO не може існувати без зв'язку з контекстом. Аналіз мовного матеріалу дозволяє стверджувати, що під контекстуальністю MAO слід розуміти визначення оцінки крізь апеляції до іншого поняття чи підстановку замість шуканого іншого змісту, який входить до того ж контексту.

Характер зв'язку MAO з контекстом може бути описаний у поняттях більшого/меншого ступеня їх взаємозалежності, яка значною мірою визначається експліцитним/імпліцитним вираженням іллокутивної сили висловлення, яке містить оцінку.

MAO притаманні специфічні засоби реалізації оцінки, вибір яких, як правило, залежить від цілей комунікації, обставин і сфери спілкування, форми і стилю мови, від комунікативної компетенції носіїв мови.

При аналізі літературного твору стає важливим урахування цілі адресанта і спрямованості мовленнєвого акту оцінки. Тому MAO слід розглядати не тільки як комунікативний акт вираження інтенції адресанта, але й інтеракційний акт, засіб міжособистісного спілкування.

Література

1. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – 1986.
2. Павленко Р. И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986.
3. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983.
4. Дьяченко Ю. И. Метаязыковая аспектность семантико-синтаксических параметров текстовой модальности (на материале русского и немецкого языков). Автореф. ... дис.канд.филол.наук: 10.02.01; 120.02.19 / Кубанский гос.ун-т. – Краснодар, 1996.
5. Баранник Д. Х. Текст і його складові // Дослідження з лексикології і граматики української мови. Т. 1. Збірник наукових праць. Науковий редактор проф. Баранник Д. Х. – Дніпропетровськ: Навчальна книга. – 1999. – С.15-20.
6. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
7. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. – К.: Наукова думка, 1988.
8. Ткачук В. М. Категорія суб'єктивної модальності. Монографія / Наук. ред., передмова док.філол.наук, проф. Загнітка А.П. – Тернопіль: Підручники й посібники, 2003.
9. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. – М.: Высшая школа, 1991.
10. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранный язык». – М.: Просвещение, 1990.
11. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. – К.: Вища школа, 1987.
12. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980.
13. Гуслиста Л. О. Особливості етичної аргументації оцінних висловлювань в англійській та українській мовах // Вісник ХНУ. – № 667. – 2005. – С. 37-41.

Умовні скорочення

- H.R. – Harold Robbins. The Lonely Lady. London: N.E.L., 1977. – 400 p.
J.S. – J.D. Salinger. The Catcher in the Rye. M.: Progress Publishers, 1968. – 247 p.
S.M. – Somerset Maugham. The Moon and Sixpence. M.: Progress Publishers, 1972. – 240 p.
T.C. – Truman Capote. The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's. M.: Progress Publishers, 1974. – 233 p.

Моря-Мицьк Л. А.

ЯЗЫКОВОЕ ПОНЯТИЕ «ПОЛЕ» И ЕГО РЕЧЕВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА)

В лингвистической литературе существует значительный терминологический «разнобой», связанный как с выбором термина, обозначающего некую идеальную ментальную сущность, так и с трактовкой подобной сущности, особенно по отношению к системе языка. Такую сущность называют понятием, языковым понятием, концептом, сигнификатом и т.д.

Термин *сигнификат* адресует нас к так называемому семантическому или семиотическому треугольнику, построенному на основе сосюрковского определения знака, который связывает понятие и акустический образ. Семантический треугольник представляет собой модель взаимосвязи трех логико-лингвистических категорий: означающее (экспонент / сигнификант / план выражения), означаемое (сигнификат / значение / план содержания) и объект именованного (денотат).

Некоторые лингвисты считают, что было бы вернее говорить о «четырёхугольнике», вершинами которого являются денотат, понятие как мыслительная сущность, смысл или лексическое значение как языковое воплощение понятия и, наконец, экспонент. Таким образом, под сигнификатом в лингвистике понимается или понятие как единица мышления, или значение языкового знака, смысл.

В функциональной лингвистике принципиальным является рассмотрение сигнификата как языкового по сути явления и только в системе как составной части идеальной системы коллективного опыта. «Сигнификат есть отражение в общественном сознании мой или иной реалии, того или иного элемента Универсума. По своему устройству сигнификат есть набор семантических признаков (сем). По своей уровневой принадлежности сигнификат есть сущность уровня языковой абстракции» (7, 66). Итак, сигнификат принадлежит области сознания, но как принципиально языковая сущность, как компонент языковой картины мира, как «пучок», «узел» сем – дифференциальных семантических признаков. В таком понимании сигнификат может быть соотнесен с понятием и концептом.

Лингвисты используют термин *понятие* с достаточной осторожностью, оговаривая его принадлежность области логики и философии. В философском понимании понятие – «форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений» (8, 1053). В лингвистике принято определение понятия как единицы мышления, которая отражает существенные признаки предметов и явлений, с помощью которой реальная действительность обобщенно отражается в нашем сознании (5, 88). Каждое понятие имеет две основные характеристики: объем и содержание. Объем понятия – это класс определенных явлений, обобщенных в нем, а содержание – совокупность существенных признаков этих явлений.

Термин *концепт* используется многими, но в лингвистической литературе этот термин продолжает оставаться многозначным и не вполне определенным. По Е.С. Кубряковой, концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, метаязыковой лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Краткий словарь когнитивных терминов, 90).

З. Д. Попова и И. А. Стернин в работе «Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях» называют концептом «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» (6, 4). «Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» (6, 4). Концепт «состоит из компонентов (концептуальных признаков), т.е. отдельных признаков объективной или субъективной действительности, дифференцированно отраженных в его содержании и различающихся по степени абстрактности...» (6, 17). В основе концепта лежит первичный эмпирический образ, хотя далее он может подняться на более высокий уровень абстракции и из наглядного превратиться в собственно мыслительный. (6, 15).

Ю. С. Степанов считает, что «концепт – это явление того же порядка, что и понятие» (9, 43), но четко разграничивает термины, относя понятие к области логики и философии, а концепт – к области культурологии. Концепт и понятие пересекаются в том, что в структуру концепта входит содержание понятия как совокупность общих и существенных признаков понятия, соответствующих определенному классу предметов (9, 44). Однако структура концепта намного сложнее: в нее «входит все то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» (9, 43). Если понятия в собственном смысле слова мыслятся, то концепты и мыслятся, и переживаются: «Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (9, 43). Именно поэтому понятия принадлежат только мышлению, а концепты – культуре: это «как бы сгустки культурной среды в сознании человека» (9, 42).

Подводя итоги, можно отметить, что концепт должен быть отнесен к плану содержания языкового знака. Помимо предметной отнесенности, он включает в себя также разнообразную коммуникативно значимую информацию. Наиболее существенным здесь оказывается культурно-этнический компонент. Таким образом, нет никаких методологических причин для принципиального разграничения понятия и концепта, следует лишь помнить о том, что в лингвистической литературе за термином концепт закреплено значение понятия, осложненного психоментальными культурно-этническими представлениями.

Следовательно, мы можем признать, что за терминами *понятие*, *концепт*, *сигнификат* скрыт один и тот же феномен – мыслительный конструкт, с той лишь оговоркой, что эти термины характеризуются предпочтительным использованием в разных сферах знания: *понятие* – в философии и логике, *концепт* – в когнитологии и лингвокультурологии. Сигнификат (языковое понятие) выступает как термин наиболее «лингвистичный».

Язык является лишь одним из способов формирования языкового понятия в сознании человека, но при этом это самый наиболее эффективное средство раскрытия его содержания (6, 4; 8). «Слово своим значением всегда представляет в языке лишь часть концепта, поэтому и существуют многочисленные синонимы, дефиниции, высказывания, тексты, в своей совокупности раскрывающие содержание того или иного концепта» (6, 8).

В нашей работе мы рассматривали индивидуально-авторское речевое представление концепта поле в тексте «Записок охотника» И. С. Тургенева, его место в художественной системе автора.

Концепт «поле» относится к деятельностной сфере жизни человека и имеет два основных аспекта – собственно деятельностный и пространственный. Слово «поле», вербализующее в языке указанный концепт, является многозначным, т.е. содержит несколько семем, объединенных семантической близостью значений – прежде всего пространственным компонентом, который является интегральным для всех значений слова.

В семантической структуре слова можно выделить такие компоненты, как **открытое, незамкнутое, достаточно обширное, плоское пространство, обработанное и/или приспособленное человеком для своей деятельности**.

Возглавляет лексическую структуру слова поле семема «безлесная равнина, пространство», как обладающая достаточно широким, обобщающим значением. Результаты компонентного анализа дают нам семную структуру соответствующего языкового понятия: 'часть земной поверхности с «нулевым» рельефом', т.о. указанная семема относится к лексической группе «рельеф».

В прямом номинативном значении слова поле (и некоторых других из этой микрогруппы) под влиянием контекста на уровне индивидуальной речи появляются добавочные элементы, реализуются новые смысловые аспекты.

«*Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями*». В контексте значение «пространство» с характеристикой «огромное» вербализовано с помощью разнообразных средств: 1) глаголов несовершенного вида, обозначающих длящееся, повторяющееся действие: сменялся, тянулись; 2) значением слов бесконечно («без конца и предела в пространстве и времени») и тянулись («располагаться на большом протяжении»); 3) лексического повтора слова поле.

«*...От одного села до другого, через необозримые поля... долго, долго едете вы.*» В слове поле актуализируется семантический компонент «большая протяженность» благодаря определению необозримый («огромный, беспредельный») и, ассоциативно, обстоятельство долго: долгая езда предполагает большое расстояние, причем данное значение подчеркнуто лексическим повтором слова долго.

Значение «безлесная равнина, пространство» может также реализовываться в лексемах степь, равнина, долина и др.

Мы отмечаем характерную для «Записок охотника» Тургенева актуализацию в значении слова поле семантического компонента «огромное, безграничное (пространство)», происходящую под влиянием контекста. В произведении создается образ поля как бескрайнего пространства, причем пространственная широта является первичной эмпирической основой образного зрительного ядра концепта.

Второе значение слова поле – «обрабатываемая под посев земля». Семная структура языкового понятия, выявленная с помощью компонентного анализа, адресует данную семему к лексической группе «функциональное пространство»: 'функциональное земельное пространство, обработанное для получения продукции в сельском хозяйстве'. При сохранении интегральной части данного значения – «пространство» – доминантой дифференциальной части смыслозначения является функциональный компонент «обрабатываемая [человеком]». Группа контекстов содержит такое

лексическое окружение слова поле, которое не только поддерживает значение «обрабатываемое, используемое», но и вносит добавочные смысловые элементы, дифференцирующие функциональное предназначение поля как пространства.

«Прямо перед нами, на другом берегу, желтело овсяное поле, кое-где поросшее польнью... Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая. Гречиха в поле зацветет или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу!» В перечисленных контекстах лексемы овсяное («засеянное овсом»), рожь, гречиха называют культивируемые растения и указывают тем самым конкретную функциональную предназначенность пространства поля.

Контекст способен указать не только на результат обработки поля, но и на способ этой обработки: «...Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окруженные распаханными полями...» Актуализация компонента «обработанное» в слове поле происходит под влиянием лексемы распаханный («взрыхленный для посева»).

Значение «обрабатываемая под посев земля», помимо лексемы поле, может быть реализовано в тексте в лексемах пашня («вспаханное поле»), пар («пашня, оставленная на одно лето без посева»), жнивье («поле, на котором сжат хлеб») и под. Все они идентифицируются через лексему поле и выступают как реализация концепта «поле»

Третье значение слова поле представлено в семемах «большая ровная площадка, пространство, специально оборудованное, предназначенное для чего-л.» и «пространство, поверхность, используемые для чего-л., доступные для каких-л. действий». В «Записках охотника» мы почти не находим реализаций данных семем. Указанные смыслы реализуются, например, в контекстах: 1) футбольное поле, летное поле; 2) поле обстрела, поле минных заграждений. Разница данных семем, на наш взгляд, заключается в указании на степень функциональной пригодности пространства, т.е. «пространство, требующее дополнительной обработки» («специально оборудованное») и «пространство, не требующее дополнительной обработки» («доступное»). В методических целях объединим эти понятия в семему «пространство, используемое для чего-л.»

Если в первом значении слова поле с точки зрения прагматики доминирует пространственный компонент, во втором – функциональный, то у третьего значения следует отметить также доминирование функционального в семантике, причем по сравнению со вторым значением в более широком, общем аспекте. Семема «обрабатываемая под посев земля» имеет семантический компонент сферы деятельности: «в сельскохозяйственной сфере». Семема «пространство, используемое для чего-л.» такого указания на сферу деятельности не содержит.

Конкретизация понятия с точки зрения сферы происходит в устойчивых словосочетаниях поле брани, поле битвы, поле сражения – «в военной сфере»; отъезжее поле («дальнее поле для охоты») – «в охотничьей сфере». «Но вот вы собрались в отъезжее поле, в степь...». В контексте со словом степь («обширное безлесное ровное пространство») актуализируется пространственный компонент значения у словосочетания отъезжее поле, при этом оно сохраняет как смысловую доминанту компонент «приспособленное для человеческой деятельности».

Таким образом, лексема поле в «Записках охотника» И. С. Тургенева регулярно выражает значение «объект земледельческой и другой деятельности человека».

Кроме указанных значений, слова, репрезентирующие концепт «поле», выражают в тексте произведения некоторые значения, имеющие национальную специфику, например, значение «типично русский пейзаж»: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль.» Семантический компонент «большое пространство» в слове степь поддерживают слова со значением пространственной протяженности: необозримо, широкий, бесконечный, даль. В контексте слову степь адресованы определения психологического характера родной и знакомый. Слово знакомый («о котором имеется понятие, известный») в лексическом окружении слова степь приобретает значение «привычный, виденный много раз». Слово родной выступает в значении «близкий по рождению... связанный с местом рождения», передавая лексеме степь положительную эмоциональную коннотацию «дорогой, милый». В целом данные определения указывают на восприятие концепта автором.

«То были раздольные, пространные, поемные, травянистые дуга, со множеством небольших лужаек, озера, ручейков, заводей... прямо русские, русским людям любимые места, подобные тем, куда езживали богатыри наших древних былин...». Определение русский употреблено в значении «относящийся к Руси, России». Определение любимый («дорогой, близкий сердцу, излюбленный») со значением эмоционального отношения иррадирует в значение лексемы место, контекстуального синонима слова дуг, положительную эмоциональную окраску. В результате внутритекстового взаимодействия определения русский и любимый формируют у слова дуг значение «типично русский ландшафт». Лексемы древний, былины, объединенные общей семантикой «давний, относящийся к прошлому», вносят в значение концепта семантический компонент «исконный, исторически присущий Руси, России» – то, что узואльно выражается устойчивым словосочетанием, имеющим фольклорное происхождение, с так называемым постоянным эпитетом чистое поле.

Таким образом, благодаря семантическим компонентам «привычное, знакомое», «близкое, родное», «русское, исконное» концепт поле получает в художественном тексте национально-культурную коннотацию (10, 105), возникающую в контексте культуры (2, 38), который обуславливает этническое значение слова (4, 44). В таком слове реализуются «национально-специфические черты концепта» (6, 9).

Итак, лексическая парадигма с доминантой поле в тексте «Записок охотника» И.С. Тургенева реализует комплекс значений «большое пространство», «используемое человеком для своей деятельности» и приобретает дополнительные индивидуальные семантические компоненты «привычное», «исконное», «любимое», «русское», причем все они обусловлены «национально-культурной спецификой членения мира» (10, 103), а также своеобразием авторского видения. В результате концепт поле участвует в создании в произведении речевого образа России.

Литература

1. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. Тр. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
2. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
3. Красных В. В. Концепты (как ментефакты культурного пространства) «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – С. 266-272.

4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М., 1988. – С. 12-149.
5. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – К., 2004. – С. 20-121.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2000. – 30 с.
7. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь, 1998. – С. 56-78.
8. Советский энциклопедический словарь. – М., 1984.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 989 с.
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – С. 14-65, 102-109.

Муругова Е. В.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЛАГОЛОВ С ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

За последнее время в лингвистике наряду с действием дифференциального подхода, четко отграничивающего различные языковые единицы и процессы друг от друга, появился значительный интерес к рассмотрению интегративных связей по линии лексических, грамматических, словообразовательных отношений [1], [2], [3], [4], [5]. Проблема категориального взаимодействия, ввиду ее безусловной важности для понимания общей теории языка, и английского языка в частности, стала вполне актуальной. Сложные взаимодействия познающих, действующих людей, их эмоциональные, и эмпирические оценки, многообразие предметов и их свойств манифестируются в языке различными признаковыми именами – глаголами, прилагательными, наречиями. Раскрывая механизмы взаимодействия частей речи на материале анализа глагола, обозначающего в традиционном языкознании действие, состояние или процесс, и по своей когнитивной характеристике «ориентированный на отражение процедурального значения и способа бытия объектов во времени и пространстве», нам бы хотелось подойти к системности словообразования с использованием метода полевого структурирования, который помогает выявить многообразие лексико-семантических групп, участвующих в образовании той или иной части речи и проследить их взаимодействие с производными словами при формировании определенных типов словообразовательных значений [6, с. 265-267]. Семантическая структура исходного слова предопределяет возможности его семантического развития и, соответственно, набор и характер производных значений слов. Новые понятия или концепты образуются на основе уже существующих.

Для каждой части речи существуют специализированные признаки, которые имеют свои особенности при реализации другими частями речи по средством тех или иных словообразовательных средств. При семантическом взаимодействии производящей базы и производного слова выделяется словообразовательное значение (далее СЗ), на характер формирования которого влияет семантика производящей основы. Под СЗ мы понимаем компонент лексической структуры производного слова, который формируется на базе основного лексического значения производящей основы.

Глаголы, которые образуются почти от всех частей речи и атрибутивных словосочетаний, представляют собой емкий, значительный по объему класс слов, взаимодействующий не только с производящими основами знаменательных, но и служебных слов. Наименование глаголами является таким специфическим видом лексической номинации, при котором в названии фиксируются и закрепляются разные понятийные признаки, многообразные ракурсы связей глагольного действия с предметами и лицами, производящими эти действия, или подверженные им [7, с. 69]. Глагол отличается наиболее сложной структурой и семантикой. Неслучайно У. Л. Чейф, разделяя весь понятийный мир на две главные сферы – сферу глагола и сферу существительного, говорит о более сложной семантике глагола [8, с. 114-115]. Прежде всего, следует отметить, что основными группами словообразовательной базы глаголов являются основы существительных, глаголов и прилагательных, что объясняется тем, что «акционность, тесно связанная с субстанцией и ее признаками, закономерно передается чаще всего через предметные и призначные понятия» [2, с. 70]. Наблюдаются случаи взаимодействия глаголов с основами наречий, числительных, междометий, предлогов, союзов и адъективных словосочетаний.

Соотнесенность глагольных имен с предметным рядом предполагает наличие смысловых связей глаголов с предметными именами. Субстантивные основы представляют собой самую значительную группу основ, вступающих во взаимодействие с глаголами, среди которых можно выделить глаголы, образованные от существительных, называющих конкретные предметы, орудия, инструменты, механизмы и объекты реальной действительности. Производные слова (далее ПС) характеризуются основным словообразовательным значением «делать (ся), становиться, превращать (ся) в то, что названо производящей основой (далее ПО)» (*to fortify – делать укрепление*), «использовать, применять то, что названо ПО» (*to motorize – переводить на электрический привод*), «помещать, хранить, находиться в том месте, что названо ПО» (*to containerize – помещать в контейнер*). В значении производных глаголов, содержащих основную сему «процессуальность» отражаются и содержательная сторона слов непосредственно воспринимаемых физических признаков объектов реальной действительности, реализующие сему «конкретность» в прямом значении глаголов, образованных от данной лексико-семантической группы (далее ЛСГ) существительных. ПС, связанные с отражением абстрактных признаков, имеют ОСЗ «выполнять действия, участвовать в мероприятиях, занятиях, названных ПО» (*to telecast – передавать по телевидению*), «делать, дозировать, выполнять что-либо в той форме, времени, количестве и качестве, которые называет ПО» (*to cube – возводить в куб, to dignify – возводить почести, возвеличивать*), «использовать, применять то, что названо ПО» (*to jargon – говорить на жаргоне*), «входить, приводить в состояние, названное ПО» (*to glorify – прославлять*), «изучать, действовать по принципам той науки, которая названа ПО» (*to botanize – ботанизировать, собирать гербарий, травы*) и другие ОСЗ. По своей семантике абстрактные существительные чаще всего относятся к научным понятиям, которые находят свое отражение в терминологическом характере производных глаголов (*to ideate – представлять, вызывать в воображении; философ. формировать понятие (от суц. idea – идея, понятие, представление)*), *to proportionate – соразмерять, делать пропорциональным (от суц. proportion – мат. пропорция)*). Многообразие типов СЗ глаголов, образованных от основ абстрактных существительных, обусловлено разнообразием типов понятий, которые называются абстрактными существительными, что еще раз подтверждает тот факт, что объектом номинации выступает не только мир вокруг нас, сколько мир внутри нас, находящий свое отражение в стремительном росте абстрактной производной лексики. Выделяются также группы глаголов, образованных от существительных, называющих химические и физические вещества, их соединения, металлы и т.д., которые при этом характеризуются ОСЗ «использовать, применять то, что названо ПО» (*to carbonize – обугливать, карбонизировать*),